

Рецензия на книгу: Тальман П. «Езда в остров Любви. Панегирик, или Слово похвальное»

В рецензируемой книге Поля Тальмана «Езда в остров Любви. Панегирик, или Слово похвальное» (М.: Носорог, 2024. 272 с.) в переводе с французского Василия Третьяковского исследуется вклад русского реформатора в становление литературного языка, жанровой поэтической системы и ритмической организации стиха. Создавая новую модель романного повествования, Третьяковский отказывается от церковнославянизмов, использует лучшие образцы разговорной речи, и русизмы, и варваризмы и обращается к словотворчеству. Русский поэт воспринимает свой перевод как успешное соперничество с французским литератором. Ему действительно удалось предопределить магистральную линию развития русской литературы и удовлетворить тягу современной молодежи к галантно-любовной культуре Запада. «Езда в остров Любви» — роман о становлении чувств, о духовной эволюции человека в современном обществе, о путях формирования нового типа личности под влиянием государственных преобразований, которые своим воздействием на светскую молодежь фактически определили принципы любовного поведения в новую эпоху. В опубликованных в приложении «Стихах на разные случаи» Третьяковский предстал как поэт-новатор, как лидер в освоении новых для русской поэзии жанров и тем. Эта книга на протяжении XX–XXI веков ни разу не переиздавалась. Появление ее дает возможность современным читателям ознакомиться с романом и понять пути эволюции русской классической литературы XVIII века.

Ключевые слова: Поль Тальман, Василий Третьяковский, «Езда в остров Любви», галантно-любовный аллегорический роман, панегирик

Russian reformer's contribution to the formation of the Russian literary language, genre system, and rhythmic organization of lyrics is explored in Paul Talman's peerreviewed book "Riding to the Island of Love" (Moscow: Rhinoceros, 2024. 272 p.) translated by Vasily Trediakovsky. Creating a new model of novel narration, Trediakovsky abandons Church Slavonic, uses the best examples of colloquial speech, and Russianisms, and barbarisms, and turns to word-making. The Russian poet perceives his translation as a successful rivalry with the French writer. He really succeeded in determining the main line of development of Russian literature and satisfying the craving of modern youth for the gallant and loving culture of the West. "Riding to the Island of Love" is a novel about the formation of feelings, about the spiritual evolution of a person in modern society, about the ways of forming a new type of personality under the influence of state transformations, which, by their influence on secular youth, actually predetermined the principles of loving behavior in a new era. In the Poems for Various Occasions published in the appendix, Trediakovsky appeared as an innovative poet, as a leader in the development of new genres and themes for Russian poetry. This book has never been reprinted during the 20–21 centuries. Its appearance gives modern readers an opportunity to familiarize themselves with the novel and understand the ways of evolution of Russian classical literature of the 18 century.

Keywords: Paul Talman, Vasily Trediakovsky, "Riding to the Island of Love", gallantly and lovingly allegorical novel, the eulogy

Тальман П. Езда в остров Любви. Москва : Носорог, 2024. — 272 с.

Talman, P. Riding to the Island of Love. Moscow: Rhinoceros, 2024. 272 p. ISBN 978-5-6050819-3-7

Во второй половине 2024 г. в издательстве «Носорог» была опубликована книга Поля Тальмана «Езда в остров Любви» в переводе В.К. Третьяковского. Помимо романа Поля Тальмана, как и в публикации 1730 г., к нему прилагались «Стихи на разные случаи», написанные Третьяковским, и их перевод, выполненный Михаилом Кузьминым. Издатели посчитали необходимым опубликовать также «Панегирик, или Слово похвальное Анне Иоанновне» (1732). Сопровождает издание статья Кирилла Осповата «Галантный абсолютизм». Появления этой книги давно ждали все, кому небезразличны пути становления русской литературы XVIII в. и эволюция творчества Третьяковского. Именно в этом романе во многом предопределены художественные принципы развития отечественной словесности.

Роман Поля Тальмана «Путешествие на остров Любви» (Le Voyage de l'Isle d'Amour (1663), Le Second Voyage de l'Isle

d'Amour (1664) Paul Tallemant) пользовался во Франции огромным успехом. Начиная с 1663 и до 1729 г. его переиздавали шесть раз. В России переводчиком этого произведения теперь уже с названием «Езда в остров Любви» стал недавний студент Сорбонны Третьяковский, который, возвращаясь из Франции, в Гамбурге в течение месяца перевел роман, изданный в Петербургской Академии наук в конце 1730 г.

Актуальность этой книги безусловна. На протяжении XX–XXI вв. произведение Тальмана в переводе Третьяковского ни разу не переиздавалось, что было большим упущением со стороны издателей, лишивших несколько поколений, прежде всего студентов-филологов, возможности ознакомиться с «Ездой в остров Любви». Конечно, образованная часть общества и до Третьяковского могла прочитать произведение Тальмана в оригинале. И наверняка, учитывая популярность французского писателя, многие не упустили такой возможности. Однако, как это ни парадоксально звучит, влияние произведения Тальмана на русскую литературу было ничтожным, тогда как перевод Третьяковского во многом предопределил магистральную линию развития русской литературы. Третьяковскому не просто было опереться на опыт предшественников, т.к. древнерусская литература практически не знала любовной поэзии, а неуклюжая анонимная любовная лирика Петровской эпохи оказалась не готова перенести эротические ощущения в слова, способные выразить сложную гамму чувств.

Если любимой героине А.С. Пушкина в романе «Евгений Онегин» пришлось обратиться к французскому языку, чтобы в письме к Онегину передать нюансы своих интимных чувств и помыслов, то несложно представить, с какими трудностями столкнулся один из наиболее уважаемых Пушкиным писателей XVIII в. Третьяковский («Вообще изучение Третьяковского приносит более пользы нежели изучение прочих наших старых писателей» [4. С. 391]), почти за сто лет до этого пытавшийся отыскать для своего перевода с французского аналогию в отечественной лексике и ритмике.

Этот роман в судьбе Третьяковского сыграл важную роль: он принес ему неслыханную популярность среди дворянской молодежи. В письме И.Д. Шумахеру он писал: «Я могу сказать по правде, что моя книга входит здесь в моду и, к несчастью или к счастью, я тоже вместе с ней. Честное слово, мсье, я не знаю, что делать: меня ищут со всех сторон, повсюду просят мою книгу» [2. С. 432]. В другом письме уже не столь восторженно он утверждал: «Придворные ею вполне довольны. Среди духовенства одни ко мне благожелательны, другие обвиняют меня, как некогда обвиняли Овидия за его прекрасную книгу, где он рассуждает об искусстве любить, утверждают, что я первый развратитель российского юношества, тем более что до меня оно совершенно не знало чар сладкой тирании любви» [5. С. 224]. Да и сам И.Д. Шумахер во многом разделял его ликования: «Радуюсь хорошему успеху вашей книги между разумными людьми не только по любви к вам, но и в отношении к нам. Хорошо известно, что скоро поэзия и музыка начнут смягчать нравы народа, сколь варварским бы он ни был, то владетели после того сумеют извлечь отсюда пользу» [Там же. С. 228].

Третьяковский достаточно глубоко осознает ценность своего новаторского подхода к переводу, о чем дает понять уже в предисловии «К Читателю», хотя и не без иронии называет его «непотребным придатком» [Там же. С. 13], но именно в нем излагает свои взгляды на литературный процесс. Он воспринимает свой перевод едва ли не как соперничество с автором: «...я лихоную переводил; а переводчик от творца только что именем рознится. Еще донесу вам больше, ежели творец замысловат был, то переводчику замысловатее надлежит быть» [Там же. С. 14].

Себе в заслугу переводчик ставит то, что он отказался от традиционной «славенщизны» (церковнославянского языка) и перевел «...почти самым простым русским словом, то есть како-

вым мы меж собой говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенский, у нас есть язык церковный; а сия книга мирская. Другая: язык славенской в нынешнем веке у нас очень темен, и многие его наши читая не разумеют; А сия книга есть Сладкия Любви, того ради всем должна быть вразумительна. Третья: которая вам покажется может быть самая легкая, но которая у меня идет за самую важную, то есть, что язык славенской ныне жесток моим ушам слышится» [Там же. С. 15]. Третьяковский утверждает, что язык современной прозы должен быть ближе в разговорному. И ориентация на старославянский уже невозможна. Создавая новую модель романного повествования, Третьяковский вынужден был использовать лучшие образцы разговорной речи, и варваризмы, и неологизмы, и фольклорную образность.

Фактически 27-летний Третьяковский возложил на себя миссию разрушителя старой литературной традиции. Использование бытового многослойного языка начала XVIII в. дало эффект чрезвычайной пестроты стиля, но такой подход, по мнению поэта, был оправдан центральной темой — «Сладкия Любви».

Ю.М. Лотман отмечал: «Если Сумароков написал “Наставление хотящим быть писателями”, то “Езда в остров Любви” — наставление хотящим быть влюбленными» [1. С. 28].

Автору перевода удалось удовлетворить тягу современной молодежи к галантно-любовной культуре Запада: «...Третьяковского заинтересовала не столько сюжетная сторона того или иного романа, сколько та атмосфера салона, которая их пропитывала <...> Третьяковский перевел книгу весьма точно. Однако перенесенная из французского культурного контекста в русский, его “Езда в остров Любви” изменила и смысл, и культурную функцию <...> “Езда в остров Любви” читалась как подробное описание нормативов поведения влюбленного, перипетий любовной тактики, описание ролей в любовной игре» [Там же. С. 26–27].

«Езда в остров Любви» — галантно-любовный аллегорический роман, состоящий из двух частей — двух писем Тирсиса к своему другу Лициде. Форма частного письма, безусловно, способствовала не только задушевности повествования, но и обмирщению языка повествования. В наиболее напряженных, требующих особой эмоциональной яркости эпизодах автор обращается к стихии поэзии, что, несомненно, еще более усиливало эмоциональный колорит повествования:

А сей остров есть Любви, и так он зовется,
куды всякой человек в свое время шлется [5. С. 19].

Главный герой, попавший на остров Любви, пытается во что бы то ни стало отыскать свою ветреную подругу — красавицу Аминту. Однако сгорающему от любви Тирсису это дается весьма непросто, несмотря на то, что ему содействуют не столько реальные люди, сколько аллегорические образы, часто являющиеся воплощением определенных любовных эмоций: Жалость, Почтение, Досада, Честь, Призор, Глазолюбность, Мечь и др. Именно эти персонажи символизируют и способствуют развитию любви от ее возникновения до угасания. В конце концов Тирсис и Аминта обретают счастье в объятиях друг друга, сбываются все их желания, но, увы, Рок разлучает их навсегда. Во второй части романа Тирсис убеждается в измене своей возлюбленной:

Вся кипящая похоть в лице его злилась;
Как уголь горящий все оно краснело,
руки ей давил, щупал и все тело.
А неверна о всем том весьма веселилась! [5. С. 65].

Однако недолго Тирсис был безутешен. Салонная логика любви легко вразумляет его и направляет на «истинный» путь, где он находит утешение параллельно в объятиях сразу двух красавиц — Силвии и Ирисы:

Я не мог лучше мою довольствовать похоть;
мало я имел любви, дабы мне не охать [Там же. С. 78].

Салонная культура эпохи абсолютизма настойчиво внушала мысль о том, что в жизни нет и не может быть ничего постоянного, особенно в любви. И вскоре он постигает банальную истину: «...сие весьма трудно, чтобы жить с двумя персонами в одной союзности!» [Там же. С. 85] и что два «сходбища» в день — дело весьма хлопотное. Надо сказать, что Тирсис был прилежным учеником, стремящимся постигнуть (воспользуемся пушкинской образностью) «науку страсти нежной», и на этом поприще достиг головокружительных успехов, которые далеко не исчерпываются обозначенной им светской мудростью: «...кто zalюбит больше, / тот счастлив есть на долъше» [Там же. С. 74].

В конце концов Тирсис покидает остров Любви, увлеченный новой богиней — Славой:

Ступай, и не противься куды ведет тая:

сей любви не может быть лучше иная.

Ты выиграшь сей премоенно: Слава паче красна,
нежель сто Аминт, Ирис, Силвий, и всем ясна [Там же. С. 97].

«Езда в остров Любви» — роман о становлении чувств, о духовной эволюции человека в современном обществе, о путях формирования нового типа личности под влиянием государственных преобразований, которые своим воздействием на светскую молодежь фактически предопределили принципы любовного поведения в новую эпоху.

Публикуя роман, Третьяковский сделал к нему приложение: подборку своих оригинальных поэтических произведений. «По совету моих приятелей осмелился я здесь приложить несколько стихов моей работы — русских, французских и латинскую эпиграмму» [Там же. С. 103]. Некоторые исследователи склонны рассматривать его как первый авторский поэтический сборник светских стихов в русской литературе. Название сборника не случайно. В «Стихах на разные случаи» поэт демонстрирует свое мастерство и лидирующее положение в освоении новых для русской поэзии жанров и тем. Здесь представлена и ода, и элегия, и эпиграмма, и пейзажная, любовная, патриотическая лирика: «На фоне предшествующей поэтической традиции стихи Третьяковского имели большое общекультурное значение» [3. С. 509].

Уже в этих стихах, еще связанных с лирикой петровского времени, угадывается поэт-новатор, которому в 30-е годы XVIII в. суждено было осуществить грандиозные реформы в русской поэзии.

Читателям будет полезно ознакомиться со статьей Кирилла Осповата «Галантный абсолютизм» в приложении к этому изданию. Ее автор справедливо замечает: «На русскую почву Третьяковский переносил не только жанр галантного романа, но и модель придворной и великосветской культуры, сложившейся во Франции в XVII веке» [5. С. 225]. По его мнению, роман, переведенный Третьяковским, «...представлял собой аллегорическое наставление в искусстве великосветского ухаживания и адюльтера» [Там же. С. 226].

Заслуживает внимания и восприятие К. Осповата «Езды в остров Любви» через призму культуры либертинажа. Полагаем, что эта статья поспособствует более глубокому постижению читателями места романа в культурном контексте эпохи. Издатели приняли верное решение, включив в данную книгу переводы с французского стихотворений Третьяковского из «Езды в остров Любви», выполненных М.А. Кузьминым и впервые опубликованных в 1935 г. [6. С. 121–316].

Конечно, современным филологам хотелось бы сопоставить французский аналог текста романа Поля Тальмана с переводом Третьяковского, чтобы понять логику осмысления текста русским литератором и особенности его тактики перевода. В этом издании французский текст отсутствует, но, как говорится, не всё сразу. Будем надеяться, что в следующем издании «Езды в остров Любви» поклонники таланта Третьяковского получат долгожданный подарок, хотя не исключено, что по сложившейся традиции им придется ждать лет сто.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что публикация романа Поля Тальмана в переводе Василия Третьяковского — событие замечательное и весьма своевременное. Оно вполне логично подводит итог публикациям сочинений Третьяковского первой четверти XXI в.: «Лирика, «Телемахиды» и другие сочинения» (Астрахань, 2007) и «Сочинения и переводы как стихами, так и прозой» (СПб., 2009).

Литература

1. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII — первой половины XIX века. Таллинн: Александра, 1992. 480 с.
2. *Малеин А.* Новые данные для биографии В.К. Третьяковского // Сборник отделения русского языка и словесности. 1928. Т. 6. № 3. С. 430–432.
3. *Моисеева Г.Н., Стенник Ю.В.* Литературно-общественное движение 1730 — начала 1760-х годов // История русской литературы: в 4 т. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л.: Наука, 1980. С. 491–522.
4. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: Критика и публицистика. М.: ГИХЛ, 1962. 663 с.
5. *Тальман П.* Езда в остров Любви. Панегирик, или Слово похвальное. М.: Носорог, 2024. 272 с.
6. *Третьяковский В.К.* Стихотворения / под ред. А.С. Орлова при участии А.И. Малеина, П.Н. Беркова, Г.А. Гуковского; вступ. ст. С.М. Бонди. М.; Л.: Советский писатель, 1935. 491 с.

References

1. *Lotman, Ju.M.* Izbrannye stat'i: v 3 t. T. 2: Stat'i po istorii russkoi literatury XVIII — pervoi poloviny XIX veka. Tallinn: Aleksandra, 1992. 480 s.
2. *Malein, A.* Novye dannye dlia biografii V.K. Trediakovskogo // Sbornik otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti. 1928. T. 6. No. 3. S. 430–432.
3. *Moiseeva, G.N., Stennik, Ju.V.* Literaturno-obshchestvennoe dvizhenie 1730 — nachala 1760-kh godov // Istoriia russkoi literatury: v 4 t. T. 1: Drevnerusskaia literatura. Literatura XVIII veka. Leningrad: Nauka, 1980. S. 491–522.
4. *Pushkin, A.S.* Sbranie sochinenii: v 10 t. T. 6: Kritika i publitsistika. Moscow: GIKhL, 1962. 663 s.
5. *Talman, P.* Ezda v ostrov Liubvi. Panegirik, ili Slovo pokhval'noe. Moscow: Nosorog, 2024. 272 s.
6. *Trediakovskii, V.K.* Stikhotvoreniia / pod red. A.S. Orlova pri uchastii A.I. Maleina, P.N. Berkova, G.A. Gukovskogo; vstup. st. S.M. Bondi. Moscow; Leningrad: Sovetskii pisatel', 1935. 491 s.

Скибин Сергей Михайлович,

доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы и методики преподавания литературы
Оренбургский государственный педагогический университет

Skibin Sergey M.,

Doctor of Philology,
Professor of the Literature and Methods of Teaching Literature Department
Orenburg State Pedagogical University

e-mail: skibin_fl@mail.ru

Статья поступила: 18.08.2025

Принята к печати: 26.10.2025